

УДК 82

«Я» И «ДРУГОЙ» В РОМАНЕ Л. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

© Праслова Т.С., Тютелова Л.Г.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

e-mail: praslowat@yandex.ru

В исследовании освещается проблема преодоления кризиса монологического авторства и поиска новых форм выражения отношений «я» – «другой» в субъектной сфере романа.

Цель исследования – выявление особенности отношений «я» – «другой», установившихся в неклассическом романе.

Материал исследования – роман Л. Андреева «Дневник Сатаны».

В исследовании мы опирались на труды М.М. Бахтина, С.Н. Бройтмана, Н.Т. Рымаря, а также труды исследователей творчества Л. Андреева: Л.А. Иезуитовой, Е.А. Михеичевой.

Творчество Л. Андреева приходится на рубеж XIX–XX вв., когда возникают субъектные формы, в основе которых лежит нерасчленимая интересубъектная целостность «я» и «другого» [1, с. 253]. Между авторской и чужой речью устанавливается новое соотношение, воспроизводящее на новом уровне архаическую субъектную нерасчлененность. Однако теперь «голоса субъектов не только синкретичны, они еще и автономны, а потому могут стать выражением диалогических отношений» [1, с. 255]. В этой ситуации проявляется характерное для Л. Андреева стремление приблизиться к понимаю «я» через взгляд на «другого», что позволяет обнаружить новые формы отношений в субъектной сфере романа.

В романе сосуществуют сознание героя и сознание повествователя, находящиеся в отношениях дополнительности.

Сознание повествователя, точка зрения на героя и события, избранная автором, характеризуется эмоциональной оценочной реакцией на события, внешние по отношению к персонажу. Эта реакция проявляется графически – курсив, на уровне повторяющихся эмоциональных высказываний: «*черт его побери*», «*черт возьми!*», «*дьявольски смешно*» – и в прямой речи героя: «*Я только раз испытал чувство гордости за человека, и это было... в уборной парохода "Атлантик"... Я был поражен гением человека, который из такой отвратительной необходимости, как уборная, сумел сделать истинный дворец!*» [2, с. 43]. Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что сознание повествователя принадлежит человеку, органически связанному с описываемой эпохой и способному дать оценочную реакцию на окружающие героя реалии.

Сознание героя характеризуется эгоцентрической направленностью, что выражается графически через заглавные буквы в формах личных местоимений: «Я», «Мне», «Мой» и др. в первых двух частях романа. Также направленность сознания героя внутрь себя проявляется в остром переживании героем собственной телесности и смертности. Приведем несколько эпизодов: «*Одной минуты в моем вочеловечении Я не могу вспомнить без ужаса: когда Я впервые услышал биение Моего сердца. Этот отчетливый, громкий, отсчитывающий звук, столько же говорящий о смерти, сколько и о жизни, поразил меня неиспытанным страхом и волнением. Они всюду суют счетчики, но как могут они носить в своей груди этот счетчик, с быстротою фокусника спроваживающий секунды жизни?*» [2, с. 13]. Осознание смертности

человеческого тела взволнованно переживается нечеловеческим сознанием как нечто чуждое и пугающее. Чужеродность телесности сознанию героя подчеркивается в другом эпизоде: *«Клянись вечным спасением, в этот вечер Я с удовольствием чувствовал Себя человеком и расположился, как дома, в его тесной шкуре. Она всегда жмет Мне под мышками. Я взял ее в магазине готового платья, а тут Мне казалось, что она сшита на заказ у лучшего Портного!»* [2, с. 25–26]. Телесность в данном случае представляет собой проявление «другого», и, переживая это проявление, герой обращается внутрь собственного сознания, приближается к пониманию самого себя через переживание «другого». По ходу развертывания романного действия сознание героя приближается к принятию телесных форм «другого» как *собственных*.

Таким образом, анализируя особенности субъектной сферы романа Л. Андреева «Дневник Сатаны», можно наблюдать процесс поиска автором новой формы романного повествования, позволяющей преодолеть кризис традиционного авторства.

Из ваших тезисов непонятно, какую именно форму повествования меняет новая, в чем ее новизна и для чего используется новая стратегия.

Библиографический список

1. Бройтман С.Н., Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И. Историческая поэтика // Теория литературы: уч. пособие: в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
2. Андреев Л.Н. Дневник Сатаны. М.: Вече, 2019. 384 с.